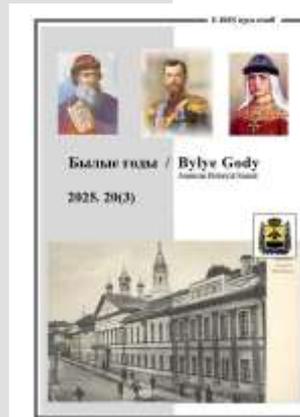

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1543-1555
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1543

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Imperial Agrarian Policy and Local Land Use Practices on the Territory of Northern Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries (the Case of Petropavlovsk Uyezd)

Nazgul Baigabatova ^{a, *}, Gulbanu Ishkalova ^a, Daniya Nurmukhankyzy ^a

^aZhetysu University named after I. Zhansugurov, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the analysis of the system of land use in the territory of Northern Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries on the example of Petropavlovsk uyezd. The study is aimed at revealing the nature of interaction between the Russian agrarian policy, implemented within the framework of colonial development of steppe territories, and local practices of Kazakh land use, reflecting the aspiration of local communities to adapt to changing economic and legal conditions.

Under increasing pressure on land resources, there was a gradual shift away from traditional forms of farming and the formation of new models of land use. Particular attention is paid to the processes of haymaking development and the expansion of lease relations, previously little characteristic of the region and poorly represented in historiography, despite their significant role in changing land practices.

These processes were accompanied by significant changes in the structure of economic activity and ways of regulating access to land. New forms of land use were formed at the intersection of administrative initiatives on the part of the state and adaptive strategies developed by local communities. Thus, the transformation of the agrarian system in the region acquired a complex and multilayered character, combining elements of external pressure and internal dynamics.

Keywords: Russian Empire, agrarian policy, resettlement policy, Northern Kazakhstan, land use.

1. Введение

Традиционные модели землевладения и землепользования, основанные на кочевом и полукочевом хозяйстве, являлись основой существования казахского народа на протяжении столетий. Однако на рубеже XIX–XX вв. эти устоявшиеся формы начали подвергаться изменениям, вызванным аграрной политикой Российской империи, направленной на освоение новых территорий, заселение и преобразование локальных структур.

Северный Казахстан, известный своим аграрным потенциалом и выгодным географическим положением, на протяжении последних двух столетий был объектом разнообразных земельных реформ, каждая из которых вносила свои коррективы в вопросы использования и распределения земель. В данном контексте изучение особенностей локальных практик землепользования на примере Петропавловского уезда Акмолинской области в конце XIX – начале XX в. представляет значительный интерес, так как этот период был временем масштабных изменений в земельных отношениях на территории Казахстана. Введение административно-территориальных реформ Российской империи и проведение Столыпинской аграрной политики активно трансформировали традиционную систему землепользования и повлекли за собой социально-экономические и культурные изменения. Выбранный объект исследования является своеобразным полигоном для изучения взаимодействия традиционного уклада казахского землепользования с новыми

* Corresponding author

E-mail addresses: bnk1606@mail.ru (N. Baigabatova), banu_tk_78@mail.ru (G. Ishkalova), daniyafmo@gmail.com (D. Nurmukhankyzy)

административно-правовыми механизмами на рубеже XIX–XX вв., поскольку большинство вопросов аграрной истории Казахстана, и в том числе перераспределения земли и адаптации казахов к меняющимся условиям земельного устройства, всё ещё остаются недостаточно изученными ([Mutaliyeva et al., 2023: 402-403](#)).

Цель данной статьи – на основе комплексного анализа научной литературы, законодательных актов, архивных материалов и статистических источников проанализировать взаимодействие имперской аграрной политики и локальных практик землепользования в Северном Казахстане в конце XIX – начале XX в. на примере Петропавловского уезда, а также выявить формы адаптации местных сообществ к новым условиям владения и пользования землёй.

Выбор Петропавловского уезда Акмолинской области в качестве локального примера обусловлен рядом факторов. Во-первых, уезд занимал важное фронтальное положение на стыке кочевой и оседлой зон, что делало его территорией активного взаимодействия различных моделей землепользования. Во-вторых, начиная с последней четверти XIX в., Петропавловский уезд стал одной из ключевых площадок переселенческой политики Российской империи: здесь наблюдался интенсивный приток крестьян-переселенцев, сопровождавшийся перераспределением земельных ресурсов и ростом административного контроля. В-третьих, данная территория характеризовалась относительной насыщенностью источников: здесь активно велась регистрация земельных отношений, отражённых в материалах переселенческих структур ([ЦГА РК. Ф. 317, 369, 643](#)). Поэтому Петропавловский уезд представляет собой репрезентативный пример для изучения аграрных преобразований в Северном Казахстане, позволяющий проследить, как имперская политика реализовывалась на местах и какие формы адаптации она вызывала в среде казахских сообществ.

Актуальность темы обусловлена также важностью реконструкции исторических процессов, связанных с землепользованием, для современных дискуссий о земельной политике, землепользовании и устойчивом развитии сельских территорий Казахстана ([Martin, 2021; Пашков, Мажитова, 2023](#)).

2. Материалы и методы

Источниковую основу данной статьи составили разнообразные материалы, отражающие специфику землепользования населения Северного Казахстана в контексте аграрной политики Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Центральное место в источниковом корпусе принадлежит ранее не опубликованным архивным материалам Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (г. Алматы, Республика Казахстан). В частности, были использованы документы фондов: «Заведующий Переселенческим делом в Акмолинском районе Главного управления землеустройства и земледелия»; «Акмолинское областное Управление Министерства внутренних дел»; «Петропавловское уездное Переселенческое управление Акмолинского района Главного Управления земледелия и землеустройства» ([ЦГА РК. Ф. 317, 369, 643](#)). В этих фондах хранятся обширные материалы, связанные с реализацией аграрной политики Российской империи в Северном Казахстане, в частности, планы и отчёты по землеустройству, переселению, статистические данные, документы о переселении крестьян, землеустройстве, материалы о распределении земель, организации хозяйств, документы о земельных спорах, жалобах и прошениях как местного населения, так и крестьян-переселенцев. Эти документы позволили проследить характер и динамику трансформации землепользования и выявить институциональные подходы к регулированию земельных отношений в регионе.

Следующая группа источников обозначена документами сборника «Материалы по истории политического строя Казахстана», в котором представлены законодательные и нормативно-правовые акты Российской империи, в том числе регулирующие порядок земельного устройства и землепользования на рубеже XIX–XX вв. ([Материалы по истории..., 1960: 337-339, 395-397](#)). Анализ материалов сборника даёт возможность осмыслить формально-правовую основу административно-территориальных реформ и реконструировать логику имперской аграрной политики.

Неотъемлемой частью источниковой базы являются материалы по казахскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей под руководством Ф. Щербины в 1896–1903 гг. Для изучения локальных практик землепользования в данной статье были использованы сведения по Петропавловскому уезду Акмолинской области, составившие XII-й том материалов, разработка и сводка которого велась под руководством Е.П. Добровольского ([МКЗ, 1908: 1-2](#)). Наряду с текстовыми материалами были изучены приложения, включающие карты, схемы расселения, статистические данные. Эти сведения позволили детализировать особенности землепользования на территории Петропавловского уезда, а также проследить их динамику и трансформацию в изучаемый период. В целом, материалы представляют собой источник не только по традиционному землепользованию казахов, но и изобилуют уникальными сведениями по истории, географии, этнографии, краеведению, ботанике, топонимике Северного Казахстана в начале XX в. ([Abil, Kuzembayuly, 2021; Тасилова, 2022](#)).

Существенным источником эмпирических данных явились ежегодные справочно-статистические издания «Памятные книжки Акмолинской области», издававшиеся местными администрациями. В них содержится разнообразная информация об административном делении, численности и этническом составе населения, хозяйственно-экономическом состоянии региона, налоговых сборах и т. д. ([Памятная книжка..., 1887](#); [Памятная книжка..., 1914](#)).

Таким образом, совокупность использованных источников обеспечивает комплексный подход к изучению локальных практик землепользования, учитывающий как официальную аграрную политику, так и адаптационные стратегии казахского населения в условиях экономических трансформаций.

В процессе написания статьи были применены конкретно-исторические методы исследования. В частности, историко-сравнительный метод был использован в оценке преемственности и нововведений в сфере земельных отношений и землепользования казахов на рубеже XIX–XX вв., а также влияния этих изменений на традиционные виды хозяйствования. Применение метода системного анализа, включая анализ архивных документов, картографических материалов, статистических данных, позволило систематизировать и рассматривать вопросы землепользования и земельных отношений в Северном Казахстане изучаемого периода как часть более широкой социальной, экономической и политической системы и последствий Столыпинской аграрной реформы в управлении земельными ресурсами.

3. Обсуждение

Исследование вопросов имперской аграрной политики и традиционных практик землепользования на территории Северного Казахстана на рубеже XIX–XX вв. опирается на обширный корпус исторической литературы, в формировании которого можно выделить три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Каждый из этих этапов отражает изменения в исследовательских парадигмах и теоретико-методологических подходах к изучению данного вопроса в разные исторические периоды.

В дореволюционной российской литературе внимание к традиционному землепользованию казахов во многом определялось практическими задачами колониального освоения присоединённых территорий. В трудах авторов того периода термины «переселенческое движение» и «колонизация» звучали адекватно. Переселенцев часто называли колонистами, и это не случайно, поскольку под колонизацией в российской историографии понималось именно хозяйственное освоение тех или иных земель ([Сыздыкова, 2005: 215](#)).

Первичный анализ особенностей локальных практик землепользования на территории Петропавловского уезда содержится в отчёте экспедиции Ф. Щербины, в котором на основе проведённых обследований предложены его нормативные представления о «правильной» системе землепользования ([МКЗ, 1908](#)).

Особый интерес в этой связи представляет работа Т. Седельникова «Борьба за землю в киргизской степи», в которой он, проанализировав вопросы казахского землепользования, критикует методологический инструментарий Ф. Щербины по выявлению «земельных излишков», что в дальнейшем послужило одной из причин проведения повторного исследования. Кроме того, исследователь раскрывает особенности формирования переселенческих участков в Петропавловском и Омском уездах Акмолинской области ([Седельников, 1907](#)).

Вопросы регулирования землепользования в среде казахов, основанные на закреплении определённых участков кочёвок за родовыми объединениями, нашли отражение в работах исследователей различных регионов дореволюционного Казахстана ([Красовский, 1868](#); [Добросмыслов, 1902](#); [Румянцев, 1910](#)). В этой связи В.И. Юферев высказывал мнение, согласно которому внедрение волостного деления произошло вследствие желания администрации не допустить «усиления родовых союзов и объединения на этой почве кочевого казахского населения» ([Юферев, 1906: 27](#)). Искусственная группировка хозяйственных единиц должна была ослабить силу рода в сфере землепользования. Однако, по выражению О.А. Шкапского, придание волости значения земельной общины, с правом в лице выборных волостного съезда решать дела и споры по землепользованию, сделалось одним из главных тормозов развития подворно-участкового владения землёй у казахов ([Шкапский, 1906: 41](#)). В статье «Формы киргизского землепользования» Л.К. Чермак рассматривал казахское землепользование в северных регионах Казахстана «как ряд сложных общин, объединённых общим владением угодьями, на которых в иных случаях сходится население всего уезда и даже нескольких уездов» ([Чермак, 1908: 29](#)).

В целом, дореволюционная историография отличается высокой источниковой насыщенностью и вниманием к локальным формам хозяйствования. В то же время большинство исследований носили прикладной характер и были тесно связаны с задачами колониальной политики империи. Земельные отношения анализировались через призму необходимости «рационализации», что определяло односторонний взгляд на сложные системы традиционного землевладения и землепользования.

Имперское присутствие, процессы аграрного освоения степных областей, взаимоотношения с переселенцами нашли отражение в трудах представителей казахской интеллигенции начала XX в. ([Нурбай и др., 2023](#)). Изучение этих же вопросов было продолжено историками советского периода

(Аполлова, 1960; Сулейменов, 1963; Галузо, 1965; Толыбеков, 1971). В своих трудах они рассматривали влияние аграрных реформ и переселенческой политики на социально-экономические изменения в казахском ауле, интерпретируя их сквозь призму марксистско-ленинской методологии. Для данного периода характерен «синтез российских и казахстанских исследовательских практик» (Чуркин, 2016: 160), который выразился в критической оценке авторами дореволюционной истории в целом и эксплуататорском характере аграрной политики, в частности.

Для постсоветской историографии, в том числе и казахстанской, характерен отказ от советской интерпретации событий, явлений и фактов, что позволяет более комплексно рассматривать аграрную реформу как инструмент имперского управления, включающий в себя элементы принуждения, адаптации и локального сопротивления. Вместе с тем, если российские историки современности обратились к исследовательским практикам «новой истории империи» (Ремнев, 1997; Васильев, 2022), то в казахстанском сегменте возобладало смещение акцентов на рассмотрение имперской аграрной политики и её последствий для казахского хозяйства в рамках деколонизационного дискурса (Масанов, 1995; Абылхожин, 1998; Алимбай и др., 2023а).

Несмотря на значительный объём исследований, остаются нерешёнными вопросы, связанные с детальным анализом локальных особенностей аграрной политики в северных регионах Казахстана. Вне зоны внимания исследователей остались проблемы взаимодействия традиционных и новых форм землевладения; эволюция новых форм землепользования – аренды, найма, смешанных форм ведения хозяйства; эволюция сенокосения; изменение роли традиционных норм и обычаев в регулировании землепользования в свете новых экономических и правовых вызовов. Заполнение подобных пробелов важно для понимания того, как изменения в социальных институтах повлияли на модели землепользования, в частности, и на модели взаимодействия с империей в целом (Васильев, 2022).

4. Результаты

Акмолинская область как одна из крупнейших административно-территориальных единиц Западно-Сибирского генерал-губернаторства Российской империи была образована в октябре 1868 г. (Материалы по истории..., 1960: 323). В январе 1869 г. в области было открыто 4 округа: Акмолинский, Кокчетавский, Омский, Петропавловский. В 1882 г. территория Акмолинской области вошла в состав образованного Степного генерал-губернаторства. В 1891 г. округа были преобразованы в уезды, которые сохранились и в первые десятилетия XX в. (Материалы по истории..., 1960: 387).

Петропавловский уезд, расположенный на стыке кочевых и земледельческих ареалов, представлял собой яркий пример непростого взаимодействия централизованной аграрной политики и локальных форм хозяйствования. В начале XX в., к моменту обследования экспедицией Ф. Щербины, уезд граничил на северо-западе с Кокчетавским уездом, на юго-востоке – с Атбасарским уездом, на западе – с Кустанайским уездом Тургайской области, на севере – с Тобольской губернией, и на востоке – с Омским уездом (Россия, 1913: 265). По мнению составителей XII-го тома, уезд «общим очертанием своих границ напоминает топор с рукояткой, идущей от востока на запад с лезвием, обращенным на юг» (МКЗ, 1908: 1). Подобное географическое положение, вытянутое в северной части к востоку, а в западной – далеко к югу, и расположение между лесостепной и пустынно-степной областями, накладывало отпечаток на особенности землепользования в регионе.

Традиционное землепользование казахов Северного Казахстана основывалось на кочевом и полукочевом хозяйстве, когда земля использовалась сезонно, в зависимости от потребностей скотоводства. Сезонные пастбища – зимние (кыстау), весенние (коктеу), летние (жайлау) и осенние (кузеу) – делились между родами и аулами, что позволило эффективно использовать огромные просторы степи. Важно отметить, что земля, как правило, не была объектом частной собственности, а регулировалась через обычаи и традиции. Кочевое землевладение имело свою специфику: каждый род или аул владел правом на использование определённых участков земли, но не на её постоянное владение.

Казахское население уезда было представлено племенами аргын, керей, уак и кыпшак, входившими в состав Среднего жуза. Величину каждого из них можно было определить по количеству аулов и хозяйств (Таблица 1).

Таблица 1. Численность аулов и хозяйств Петропавловского уезда в родоплеменном разрезе (МКЗ, 1908: 67)

Наименование племени	Количество аулов	Количество хозяйств	% соотношение хозяйств по уезду
Аргын	547	4423	38,8
Керей	509	4380	38,5
Уак	221	2260	19,8
Кыпшак	35	252	2,2
Прочие	6	84	0,7
Итого	1318	11399	100

Сведения данной таблицы указывают, что казахское население уезда состояло главным образом из почти равных по численности родов племени аргын и керей, которые в общем составляли более 3/4 всего населения уезда; 1/5 часть населения была представлена родами племени уак. Оставшиеся 3 % хозяйств составляли кыпшаки и прочие мелкие по численности роды.

Каждая родовая группа занимала в уезде определённую территорию. В общих чертах земли уезда были распределены следующим образом: к востоку от р. Ишим проживали казахи рода аргын, уступив лишь небольшую территорию в самой северо-восточной части уезда роду уак; на западе – всегда жившие совместно роды уак и керей, причем керей занимали северную часть, а уаки – южную. Между ними располагался род канжыгалы племени аргын, соседями их были кыпшаки.

Площадь Петропавловского уезда на момент проведения экспедиционных исследований составляла приблизительно 59316 кв. вёрст или 6 178 776 десятин. Из этой площади казахами уезда использовалось 4 287 340 десятин (МКЗ, 1908: 1), которые распределялись по 2 основным видам землепользования: 1) площади индивидуального пользования отдельных групп хозяйственных аулов (призимовочная территория); 2) площади общего пользования (летние, осенние, весенние пастбища) (МКЗ, 1908: 252).

Анализируя локальные практики землепользования в Петропавловском уезде, статисты отмечали: «Современные земельные отношения и формы землепользования сложились у казахов под влиянием целого ряда причин. Кочевое скотоводческое хозяйство ценит землю постольку, поскольку земля эта пригодна для пастбы. Условия хозяйствования и климат создают необходимость в последовательной и систематической смене пастбищ, что возможно лишь при регулируемом землепользовании» (МКЗ, 1908: 87).

С конца XIX в. традиционные формы землепользования в Северном Казахстане стали изменяться в контексте модернизационных планов Российской империи, направленных на освоение новых земель и улучшение хозяйственного потенциала региона (Лысенко, 2021). И всё же, «в казахской степи наибольшую трансформацию произвел поселенческий колониализм» (Халид, 2024: 110). В целях координации и регулирования процессов переселения во всех регионах были учреждены Переселенческие управления (Mukhatova et al., 2020: 643).

В марте-апреле 1893 г. в Петропавловском уезде начались съёмочные работы для образования из казённых земель переселенческих и запасных участков. Первые предназначались для водворения на них переселенцев, последние – для создания государственного земельного фонда. Для координации и оперативного руководства переселенческим делом в уезде в 1900 г. было создано Петропавловское уездное переселенческое управление (в документальных материалах фонда точной даты об образовании не имеется – Прим. авт.), подчинявшееся Акмолинскому областному Правлению. С образованием в 1906 г. Акмолинского переселенческого района Петропавловское уездное переселенческое Управление стало подчиняться Акмолинскому переселенческому Управлению.

Петропавловское переселенческое Управление осуществляло работу по переселению крестьян, их землеустройству, составляло статистические сведения о земельной площади, осуществляло переписку о взыскании налогов с населения, а также занималось оказанием врачебной помощи поселенцам (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2. Л. 58). Территория Петропавловского уезда делилась на 3 подрайона (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9252. Л. 106.). Планы и планшеты переселенческих участков Петропавловского уезда составлялись с 1871 по 1917 г. (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 5. Д. 1-24).

Переселенческая политика империи в Петропавловском уезде активизировалась в рамках Столыпинской аграрной реформы. Целью преобразований было не только вовлечение обширных территорий в товарное земледелие, но и интеграция окраин в единую экономическую и административную систему государства (Mutaliyeva et al., 2023: 405).

Если в конце 80-х гг. XIX в. Петропавловский уезд включал 8 волостей (Памятная книжка..., 1887: 33-34), то в 1914 г. их уже насчитывалось 34 (Памятная книжка..., 1914: 119-122). Росло и население уезда. По данным Первой переписи Российской империи 1897 г. в уезде проживало 155,1 тыс. чел. (Первая Всеобщая..., 1904: 12). К 1 января 1913 г. население уезда увеличилось почти вдвое за счёт переселенцев и составляло почти 294 тыс. чел., в том числе оседлого – 209 тыс. чел., кочевого – почти 85 тыс. чел. (Памятная книжка..., 1914: 28). Для обеспечения переселенцев землёй проводилось изъятие значительных площадей у казахских родов, формально признанных «излишками» (Alimbay et al., 2023b: 2076).

Административное перераспределение земель и изменение правового статуса угодий обусловили трансформацию традиционных земельных отношений. Это было ответом на вызовы времени, которые требовали интеграции новых экономических и социальных моделей, что влекло за собой изменения в локальных практиках землепользования.

Одним из знаковых изменений в хозяйственной жизни казахов Петропавловского уезда стало активное развитие сенокосения – заготовки сена на зиму, как новой адаптационной практики в условиях кризиса кочевого скотоводства. До этого времени, как мы уже отмечали выше, основной хозяйственной моделью казахов было сезонное кочевание между пастбищами. Благодаря обширному пространству степей и ритмичной миграции скота, надобность в сене возникала лишь эпизодически, чаще всего в аномальные по погоде годы. Однако массовое заселение земель, традиционно

использовавшихся как кочевья или зимовки, стало ограничивать мобильность казахского населения. Появление постоянных административных границ и делений, новые земельные регламенты привели к тому, что доступ к привычным пастбищам стал либо затруднён, либо невозможен.

Увеличение населения Петропавловского уезда и изъятие значительных площадей пастбищных угодий в пользу переселенцев, и как следствие частичное обезземеливание аулов, значительно сократили доступ казахов к традиционным сезонным маршрутам, что постепенно стало ограничивать свободу в пользовании зимними пастбищами, считавшимися ранее наиболее значимыми. Местным казахам-скотоводам пришлось отказаться от зимнего кочевания и устраивать постоянные зимовки (кыстаки) с постройками для содержания скота и с запасом сена для подкармливания приплода. В результате зимовки стали более оседлыми, а скот нуждался в подкормке, особенно в снежные и суровые зимы. В этих условиях сенокосение стало не просто новой хозяйственной необходимостью, но и фактором изменения местных форм землепользования.

Изначально практика заготовки сена была ограниченной и воспринималась как вынужденная мера в условиях нехватки зимнего корма. Но с течением времени, в северных районах Казахстана, где климат был более суровым, скашивание и складирование травы стало систематическим элементом хозяйства. Казахи начали выделять особые участки – сенокосные угодья, которые в условиях усиления земельного дефицита становились предметом споров и даже судебных разбирательств (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8516. Л. 1-37).

Уже тогда появилась практика приберегать особые участки, лучше защищённые и с хорошим травостоем, где слабый и мелкий скот, а также молодняк стада мог без особых усилий добывать себе корм из-под снега. Такие участки назывались «койболюк» или «койтебень», т.е. «овечьи особняки» или «овечьи зимние пастбища» (МКЗ, 1908: 88). В целом, их называли «корык», что в переводе с казахского на русский язык означало «запас», «резерв», «ресурс».

С этого периода начинает интенсивно развиваться сенокосение, сначала в небольших размерах, а позже в размерах настолько широких, что начинают косить не только на пастбищах общего пользования, но и даже в степи (МКЗ, 1908: 88). Опыт сенокосения выступил в качестве одного из критериев, оказавшего влияние на трансформацию поземельных отношений в казахской пастбищно-кочевой общине (Сорока, 2010: 279).

Итак, согласно МКЗ на начало XX в. в состав казахского землепользования в зависимости от значимости входили следующие угодья:

1) прежде всего, ставшие, безусловно, необходимыми сенокосные угодья – *шабынды жерлер*; 2) затем тщательно охраняемые пастбища вокруг зимовки – *тебень*, т.н. *корыки*; 3) далее кольцом шли менее охраняемые, но всё же так или иначе оберегаемые пастбища, окружающие зимовку и которые в совокупности называли призимовочной территорией – *кыстау*; 4) ещё далее, большей частью, не примыкая непосредственно к вышеупомянутым, располагались обширные летние пастбища – *жайлау*, где казахи проводили время с конца весны до осени; 5) и, наконец, сравнительно небольшие, нередко примыкающие к призимовочным и являющиеся промежуточным звеном между кыстау и жайлау весенне-осенние пастбища – *коктеу* (весенние) и *кузеу* (осенние).

Исследователи Петропавловского уезда отмечали, что «без сенокосов современное киргизское (казахское – Прим. авт.) хозяйство почти немыслимо. И, если в уезде встречается небольшая группа хозяйств (757 хозяйств или 6,6 % всех хозяйств в уезде), не косивших сено в год, предшествовавший исследованию, то, за исключением из неё хозяйств, вновь образовавшихся в год исследования, соответственно годичному приросту населения, примерно 1,5 % – действительный процент не косивших сено хозяйств определится всего только в 5,1 %» (МКЗ, 1908: 202).

Сенокосные угодья находились в распоряжении отдельных аулов, которые использовали три различных способа их освоения и эксплуатации (Таблица 2).

Таблица 2. Формы пользования сенокосами в разрезе волостей Петропавловского уезда (МКЗ, 1908: 109)

Волости	% аулов, пользующихся сеном			В среднем, на 1 хозяйство	
	Подворн. наследование	Ежегодно делят участки	Косят сообща	Сенокосных участков	Копен своего сена
Полуденская	34	63	3	0,36	48
Таинчинская	30	64	6	0,24	51
Петропавловская	57	34	9	0,87	55
Становская	60	34	6	0,45	43
Пресновская	25	69	6	0,91	65
Пресногорьковская	62	12	26	0,74	66
Средняя	28	33	39	1,79	96
Кушмурунская	14	61	25	0,41	109

Как видно из приведённых цифр, в уезде преобладала 2-я и 3-я формы пользования – ежегодный раздел сенокосов на участки и общее сенокосение с разделом сена.

Развитие сенокосения сопровождалось и техническими новациями. Сначала использовались ручные косы и серпы, позже – привозные косилки, что требовало коллективной организации труда. Семьи объединялись в артели на время сенокоса, совместно обрабатывая участки и деля заготовленное сено, иногда нанимали батраков (МКЗ, 1908: 202). Это способствовало росту трудовой кооперации, а также изменению отношений к земле: её стали воспринимать не только как пастбище, но и как ресурс для фуражного производства.

Таким образом, сенокосение стало не только экономическим нововведением, но и частью более широких изменений в культуре землепользования. Оно отразило переход казахского общества от мобильного, экстенсивного использования пространства к более оседлому и планомерному освоению земли. Эти процессы заложили основы для трансформации территориального уклада, хозяйственного мышления и отношений к собственности на землю, характерных уже для начала XX в. С этого времени наиболее ценными угодьями становятся сенокосные участки, которые выходят в землепользовании казахов на первое место. Казахские общины стали выделять специальные участки земли под сено, нередко закрепляя их за отдельными семьями или родами.

Это изменило восприятие земли: теперь она воспринималась не только как источник кочевых маршрутов, но и как объект интенсивного сезонного использования. Началась дифференциация угодий – отдельно зимние пастбища, отдельно сенокосные участки. В ряде случаев сенокосные земли даже арендовались у переселенцев или соседних аулов, что свидетельствует о формировании элементарных механизмов «земельного рынка».

В начале XX в. аренда земли стала одним из важнейших явлений в трансформации хозяйственной и земельной практики казахского общества. Это новшество возникло также в ответ на изменения, вызванные сокращением свободных пастбищных пространств, ранее находившихся в общем пользовании казахских родов. До этого периода традиционное землепользование у казахов базировалось на коллективной собственности и принципах сезонной мобильности: пастбища и кочевые маршруты не были индивидуальной или купленной собственностью, а распределялись в пределах рода, подчиняясь негласным соглашениям в рамках устойчивого обычного права казахов.

Однако с усилением административного давления и введением правовых норм Российской империи, земля стала объектом формального учёта, оценки и передела. Она начала рассматриваться как экономический ресурс, который можно закреплять, сдавать или арендовать.

Члены экспедиции Ф. Щербины отмечали: «При том земельном просторе, который и сейчас еще наблюдается в Петропавловском уезде, казалось бы, не могла бы иметь места аренда киргизам земельных угодий. А между тем таковая существует и, как увидим дальше, является не случайным, а постоянным уже явлением. Киргизы арендуют как пастбища, так и сенокос, пашню, и даже места для устройства зимовок» (МКЗ, 1908: 220).

Распределение земель между отдельными казахскими общино-аульными группами было неравномерным, и наряду с земельным простором в уезде наблюдалась не только земельная теснота, но даже и полное безземелье. Малоземельные и безземельные аулы устраивались на арендованных участках – или на землях Сибирского казачьего войска, или на землях крестьян Тобольской губернии (МКЗ, 1908: 220). Значительная часть казахских аулов, землепользование которых было сокращено отчуждением земель под переселенческие участки, вынуждена была арендовать свои прежние земли для зимней пастбы лошадей (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8846. Л. 1-48).

О значении аренды того периода можно судить по следующим данным. Из 1320 хозяйственных аулов Петропавловского уезда брали в аренду пастбища и сенокосы 641 аул, что составляло 48,5 % всех аулов уезда. Таким образом, почти половина аулов не обходилась без аренды. В частности, пастбища арендовали 415 аулов с 3288 хозяйствами, что составило 31,4 % всех аулов или 28,9 % всех хозяйств уезда. Сенокосы арендовали 305 аулов с 1341 хозяйством, что составляет 23,1 % всех аулов и 11,8 % всех хозяйств уезда. Кроме того, из 2843 сеющих хозяйств, сеяли на арендованных землях 177, т.е. 6,3 % (МКЗ, 1908: 220).

Аренда более всего была развита в северных районах уезда, расположенных вдоль линии казачьих земель; землепользование здесь в значительной степени было стеснено соседством казачьих и переселенческих посёлков. В районах, расположенных к югу от указанной полосы, аренда или совсем отсутствовала, или была едва заметна. Произведя группировку аулов по указанным критериям, статистики выявили следующую картину (Таблица 3):

Наивысшего развития, как видно из приведённых цифр, аренда достигала в группе районов, с одной стороны – соприкасающихся с казачьими землями, с другой – включающих в себя переселенческие наделы, и, при этом, удалённых от пастбищ общего пользования. В этом районе использовали практику аренды пастбищ более половины аулов, а сенокосы арендовало более 1/6 части хозяйств; из числа же сеющих хозяйств 1/10 часть сеяла на арендованных пашнях. По мере того, как казахские земли удалялись от соседства с казачьими землями, а также и переселенческими, и по мере всё большего соприкосновения с пастбищами общего пользования, количество арендаторов сокращалось, и в 4-й группе районов, совершенно свободной от казачьих и переселенческих захватов

и тесно связанной с расположенными вокруг пастбищами общего пользования, аренда становится едва заметным явлением.

Таблица 3. Районы, сгруппированные по показателям аренды земельных участков в Петропавловском уезде в начале XX в. (МКЗ, 1908: 224)

№ группы	Месторасположение	% аулов с арендой пастбищ	% хозяйств с арендой сенокосов	% сеющих хозяйств с арендой пашен
1-я группа	Районы, примыкающие к казачьим землям и включающие в себя переселенческие участки. К пастбищам общего пользования не примыкают	56,8	17,7	10
2-я группа	В общем те же условия, что и в 1-й группе; но районы примыкают непосредственно к пастбищам общего пользования	35,5	16,4	7,2
3-я группа	Районы к казачьим землям не примыкают, но включают переселенческие поселки. Примыкают к пастбищам общего пользования	23,2	3,1	2,1
4-я группа	Районы ни к казачьим, ни переселенческим землям не примыкают. К пастбищам общего пользования примыкают	2,5	4	1,6

Главными поставщиками арендной земли в Петропавловском уезде для местного казахского населения являлись крестьяне-переселенцы и Западно-Сибирское казачье войско (Таблица 4).

Таблица 4. Сведения об арендодателях земельных угодий в Петропавловском уезде (МКЗ, 1908: 228)

№	Арендодатели (т.е. те, у кого арендовали земли казахи)	Число случаев	% к общему итогу
1.	Крестьяне Тобольской губернии	74	14,2
2.	Казаки Западно-Сибирского казачьего войска, в том числе: а) войсковые земли б) юртовые (наделы) в) офицерские и церковные участки	167 5 131 31	31,9 0,9 25,1 5,9
3.	Земли переселенческого фонда	12	2,3
4.	Крестьяне-переселенцы Петропавловского уезда	227	43,4
5.	У казахов в том числе: а) своего уезда б) соседних уездов	43 38 5	8,2 7,3 0,9

Итак, обзор распространения аренды на территории Петропавловского уезда показал, что это было связано с уменьшением землепользования, которое было ярко выражено в районах, соседствующих с казачьими землями. «Этим районам был нанесен дважды очень серьезный ущерб, сперва от казачьей колонизации, а в последние годы – от крестьянской», - отмечали исследователи казахского землепользования (МКЗ, 1908: 223). Несомненно, таким образом, аренда у казахов появилась и развилась под влиянием сокращения землепользования. Вместе с тем, земля из казённых фондов уезда сдавалась в аренду и крестьянам-переселенцам (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 6. Д. 67. Л. 25-27; ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 8. Л. 311).

Появление сенокосения и распространение практики аренды земли стали ключевыми изменениями в локальных практиках землепользования в Петропавловском уезде на рубеже XIX–XX вв. Эти процессы знаменовали переход от подвижного, кочевого освоения пространства к более оседлой и

территориально фиксированной модели хозяйства. Земля стала восприниматься не только как маршрут для перекочёвок, но и как ресурс, подлежащий сезонному использованию, учёту и закреплению.

5. Заключение

Рассмотрение аграрной политики Российской империи в Северном Казахстане на рубеже XIX–XX вв. на примере Петропавловского уезда позволяет выявить сложное и противоречивое взаимодействие между центром и местными сообществами в сфере землепользования. Имперская политика, направленная на вовлечение степных территорий в единое экономико-правовое пространство, сопровождалась административным перераспределением земель, изменением правового статуса угодий и внедрением новых форм хозяйственного регулирования. Эти процессы способствовали трансформации традиционных локальных практик землепользования.

Особое значение в этой трансформации приобрели развитие сенокосения и распространение арендных отношений, которые ранее не были столь выраженными в хозяйственной системе местного населения. Сенокосение как устойчивый элемент аграрной экономики стало ответом на изменение структуры землевладения и рост потребности в кормовой базе. Аренда земли, в свою очередь, отразила рост имущественной дифференциации внутри сельских сообществ и усиливающееся давление на земельные ресурсы. Эти формы стали неотъемлемой частью адаптации местных землепользователей к новым экономическим и правовым условиям, формируемым имперской аграрной политикой.

В условиях аграрных преобразований местные казахские сообщества были вынуждены приспосабливаться к новым нормам землепользования, установленным имперской администрацией. Отдельные родовые группы начали участвовать в арендных отношениях и сделках купли-продажи земли, тем самым вовлекаясь в формирование форм частного землевладения, ранее не характерных для их традиционного уклада. Эти процессы сопровождались углублением социальной дифференциации: с одной стороны, формировался слой зажиточных казахов, освоивших новые хозяйственные практики, с другой – происходило обнищание части населения, утратившей доступ к жизненно важным пастбищным ресурсам.

Таким образом, к началу XX в. в регионе сложилась особая модель землепользования, в которой переплетались имперские инициативы, локальные интересы и возникающие элементы рыночной аграрной экономики. Трансформация землепользования в Северном Казахстане является ярким примером того, как различные аграрные системы могут сосуществовать и эволюционировать в условиях внешних изменений, сохраняя при этом свою уникальность и адаптируясь к новым условиям жизни. Исследование подобных локальных практик позволяет глубже понять механизмы аграрной трансформации на периферии империи и специфику адаптации местных обществ к вызовам модернизационного давления.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках реализации проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR24993047).

Литература

- [Абылхожин, 1998](#) – *Абылхожин Ж.Б.* Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1998. 360 с.
- [Алимбай и др., 2023а](#) – *Алимбай Н., Кабульдинов З., Смагулов Б.* Вопросы крестьянской колонизации Степного края в Государственной думе Российской империи (1906–1917 гг.) // *Turkic Studies Journal*. 2023. № 3. С.7–40.
- [Аполлова, 1960](#) – *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. М., 1960. 456 с.
- [Васильев, 2022](#) – *Васильев Д.В.* Поступь империи: политика России в Центральной Азии: XIX-начало XX в. М.-СПб., 2022. 636 с.
- [Галузо, 1965](#) – *Галузо П.П.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965. 344 с.
- [Добросмыслов, 1895](#) – *Добросмыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895. 360 с.
- [Красовский, 1868](#) – *Красовский М.* Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч.1. 428 с.
- [Масанов, 1995](#) – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиномадного общества. А.-М., 1995. 320 с.
- [Материалы по истории..., 1960](#) – *Материалы по истории политического строя Казахстана.* Алма-Ата, 1960. 442 с.
- [МКЗ, 1908](#) – *Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Петропавловский уезд. Т. XII.* Чернигов, 1908. 761 с.
- [Нурбай и др., 2023](#) – *Нурбай К., Алтыспаева Г., Аубакирова Х.* Проблема развития земельных отношений в северном Казахстане во второй четверти XIX – 50–60 годах XX веков: историографический

- анализ // *Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия «Исторические науки. Философия. Религиоведение»*. 2023. № 4(145). С. 110-127.
- Памятная книжка..., 1887** – Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. Приложение 3. Ведомость о числе киргизских волостей, аулов и кибиток. Омск, 1887. 188 с.
- Памятная книжка..., 1914** – Памятная книжка Акмолинской области на 1914 г. Омск, 1914. 284 с.
- Пашков, Мажитова, 2021** – *Пашков С.В., Мажитова Г.З.* Сельский туризм как детерминанта сервисной экономики староосвоенных районов Казахстана // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2021. №7(3). С.98-110.
- Первая Всеобщая, 1904** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Акмолинская область. Т.LXXXI. СПб., 1904. 135 с.
- Ремнев, 1997** – *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. 252 с.
- Россия, 1913** – Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. СПб., 1913. 286 с.
- Румянцев, 1910** – *Румянцев П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. 66 с.
- Седельников, 1907** – *Седельников Т.И.* Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. 79 с.
- Сорока, 2010** – *Сорока Н.Н.* О роли крестьянских миграций в становлении сенокосения в казахских хозяйствах степных областей во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам экспедиционных исследований 1896–1910 годов / *Казахи России: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции*. Т. 1. Омск, 2010. С.274-279.
- Сулейменов, 1963** – *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начале XX века. Алма-Ата, 1963. 410 с.
- Сыздыкова, 2005** – *Сыздыкова Е.С.* Российские военные и Казахстан. М., 2005. 246 с.
- Тасилова, 2022** – *Тасилова Н.* «Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию...» – как источник по истории Казахстана (конец XIX в. – начало XX в.). Алматы, 2022. 317 с.
- Толыбеков, 1971** – *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII-начале XX века: политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. 633 с.
- Халид, 2024** – *Халид А.* Центральная Азия: от века империй до наших дней / Пер. с англ. М., 2024. 560 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Чермак, 1908** – *Чермак Л.К.* Формы киргизского землепользования // *Сибирские вопросы*. 1908. № 23-24. С. 21-43.
- Чуркин, 2016** – *Чуркин М.К.* Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: историографическая традиция и исследовательские практики // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 406. С.158-163.
- Шкапский, 1906** – *Шкапский О.А.* Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. СПб., 1906. 197 с.
- Юфев, 1906** – *Юфев В.И.* Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае: Опыт исследования бюджетов переселенцев. СПб., 1906. 111 с.
- Abil, Kuzembayuly, 2021** – *Abil Y.A., Kuzembayuly A.* «Materials on the Kyrgyz Land Use» as a Source for Studying the Historical Memory of the Kazakhs of Northern Kazakhstan // *Bylye Gody*. 2021. № 16(3). Pp. 1463-1472.
- Alimbay et al., 2023b** – *Alimbay N.A., Fazylzhanova A.M., Smagulov B.Q., Rysbergen K.K.* Strengthening the Peasant Colonization of the Kazakh Krai in the Period of the Stolypin Agrarian Reform (1906–1917) // *Bylye Gody*. 2023. № 18(4). Pp. 2075-2095.
- Lysenko, 2021** – *Lysenko Y.* Ethno-Economics of the Kazakhs of the Steppe Region in the Modernization Plans of the Russian Empire (second half of the XIX – beginning of the XX century) // *Bylye Gody*. 2021. № 16(2). Pp. 840-849.
- Martin, 2021** – *Martin P.* Post-Soviet Agricultural Restructuring: A Success Story after All? // *Comparative Economic Studies*. 2021. №63(4). Pp. 623-647.
- Mukhatova et al., 2020** – *Mukhatova O.H., Tleubekova G.B., Baigabatova N.K.* The Role of the Resettlement Institution of Semirechenskya Oblast in Solving the Land Issue of the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2. Pp. 640-651.
- Mutaliyeva et al., 2023** – *Mutaliyeva A., Yesbolova A., Dyrka S., Saparbayev M., Kazanbayeva Z., Balabekova D., Orazova B.* Formation and History of the Agrarian Economy of Kazakhstan: The State of Development Today // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2023. №12(6). Pp. 401-409.

References

- Abil, Kuzembayuly, 2021** – *Abil, Y.A., Kuzembayuly, A.* (2021). «Materials on the Kyrgyz Land Use» as a Source for Studying the Historical Memory of the Kazakhs of Northern Kazakhstan. *Bylye Gody*. 16(3): 1463-1472.

Abylkhozhin, 1998 – *Abylkhozhin, Zh.B.* (1998). Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana. XX vek. [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. XX century]. Almaty, 360 p. [in Russian]

Alimbai i dr., 2023a – *Alimbai, N., Kabul'dinov, Z., Smagulov, B.* (2023). Voprosy krest'yanskoi kolonizatsii Stepnogo kraya v Gosudarstvennoi dume Rossiiskoi imperii (1906–1917 gg.) [Issues of peasant colonization of the Steppe region in the State Duma of the Russian Empire (1906–1917)]. *Turkic Studies Journal*. 3: 7-40. [in Russian]

Alimbay et al., 2023b – *Alimbay, N.A., Fazylzhanova, A.M., Smagulov, B.Q., Rysbergen, K.K.* (2023). Strengthening the Peasant Colonization of the Kazakh Krai in the Period of the Stolypin Agrarian Reform (1906–1917). *Bylye Gody*. 18 (4): 2075-2095.

Apollova, 1960 – *Apollova, N.G.* (1960). Ekonomicheskiye i politicheskiye svyazi Kazakhstana s Rossiyey v XVIII – nachale XIX vv. [Economic and political ties of Kazakhstan with Russia in the 18th – early 19th centuries]. M., 456 p. [in Russian]

Chermak, 1908 – *Chermak, L.K.* (1908). Formy kirgizskogo zemlepol'zovaniya [Forms of Kyrgyz land use]. *Sibirskie voprosy*. 23-24: 21-43. [in Russian]

Churkin, 2016 – *Churkin, M.K.* (2016). Kolonizatsiya Stepnogo kraya Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: istoriograficheskaya traditsiya i issledovatel'skiye praktiki. [Colonization of the Steppe Region of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century: Historiographic Tradition and Research Practices]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 406: 158-163. [in Russian]

Dobromyslov, 1895 – *Dobromyslov, A.I.* (1895). Skotovodstvo v Turgayskoy oblasti [Cattle breeding in the Turgai region]. Orenburg, 360 p. [in Russian]

Galuzo, 1965 – *Galuzo, P.P.* (1965). Agrarnyye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata, 344 p. [in Russian]

Khalid, 2024 – *Khalid, A.* (2024). Tsentral'naya Aziya: ot veka imperii do nashikh dnei [Central Asia: from the Age of Empires to the Present Day]. M., 560 p. [in Russian]

Krasovskiy, 1868 – *Krasovskiy, M.* (1868). Oblast' sibirskikh kirgizov [The region of the Siberian Kirghiz]. SPb., T. 1. 428 p. [in Russian]

Lysenko, 2021 – *Lysenko, Y.* (2021). Ethno-Economics of the Kazakhs of the Steppe Region in the Modernization Plans of the Russian Empire (second half of the XIX– beginning of the XX century). *Bylye Gody*. 16(2): 840-849.

Martin, 2021 – *Martin, P.* (2021). Post-Soviet agricultural Restructuring: A Success Story after All? *Comparative Economic Studies*. 63 (4): 623-647.

Masanov, 1995 – *Masanov, N.E.* (1995). Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva [Nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of life of a nomadic society]. Almaty-Moskva, 320 p. [in Russian]

Materialy po istorii..., 1960 – *Materialy po istorii* politicheskogo stroya Kazakhstana [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1960. 442 p. [in Russian]

MKZ, 1908 – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei. Akmolinskaya oblast'. Petropavlovskii uezd.* [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition to study the steppe regions. Akmola region. Petropavlovsk district]. Vol. XII. Chernigov, 1908. 761 p. [in Russian]

Mukhatova et al., 2020 – *Mukhatova, O.H., Tleubekova, G.B., Baigabatova, N.K.* (2020). The Role of the Resettlement Institution of Semirechenskaya Oblast in Solving the Land Issue of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 56(2): 640-651.

Mutaliyeva et al., 2023 – *Mutaliyeva, A., Yesbolova, A., Dyrka, S., Saparbayev, M., Kazanbayeva, Z., Balabekova, D., Orazova, B.* (2023). Formation and History of the Agrarian Economy of Kazakhstan: The State of Development Today. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 12 (6): 401-409.

Nurbay i dr., 2023 – *Nurbay, K., Alpyspayeva, G., Aubakirova, Kh.* (2023). Problema razvitiya zemel'nykh otnosheniy v severnom Kazakhstane vo vtoroy chetverti XIX–50-60 godakh XX vekov: istoriograficheskii analiz [The problem of development of land relations in northern Kazakhstan in the second quarter of the XIX–50-60s of the XX centuries: historiographic analysis]. *Vestnik Yevraziyskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Seriya «Istoricheskiye nauki. Filosofiya. Religiovedeniye»*. 4(145): 110-127. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1887 – *Pamyatnaya knizhka Akmolinskoy oblasti na 1887 g. Prilozheniye 3. Vedomost' o kolichestve kirgizskikh volostey, aulov i kubitok* [Memorable book of Akmola region for 1887. Appendix 3. Statement on the number of Kirghiz volosts, auls and kubitkas]. Omsk, 188 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1914 – *Pamyatnaya knizhka Akmolinskoy oblasti na 1914 g.* [Memorable book of Akmola region for 1914]. Omsk, 284 p. [in Russian]

Pashkov, Mazhitova, 2021 – *Pashkov, S.V., Mazhitova, G.Z.* (2021). Sel'skii turizm kak determinanta servisnoi ekonomiki staroosvoennykh raionov Kazakhstana [Rural tourism as a determinant of the service economy of old-developed areas of Kazakhstan]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. 7(3): 98-110. [in Russian]

Pervaya Vseobshchaya..., 1904 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Akmolinskaya oblast' [The First General Population Census of the Russian Empire 1897. Akmola Region]. Vol. LXXXI. SPb., 1904. 135 p. [in Russian]

Remnev, 1997 – *Remnev, A.V.* (1997). Samoderzhaviye i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroy poloviny XIX–nachala XX vekov [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk, 252 p. [in Russian]

Rossiya, 1913 – Rossiya. Geograficheskoe opisanie Rossiiskoi imperii po guberniyam i oblastyam s geograficheskimi kartami. [Russia. Geographical description of the Russian Empire by provinces and regions with geographical maps]. SPb., 1913. 286 p. [in Russian]

Rumyantsev, 1910 – *Rumyantsev, P.* (1910). Kirgizskiy narod v proshlom i nastoyashchem [The Kyrgyz people in the past and present]. SPb., 66 p. [in Russian]

Sedel'nikov, 1907 – *Sedel'nikov, T.I.* (1907). Bor'ba za zemlyu v kirgizskoy stepi (kirgizskiy zemel'nyy vopros i kolonizatsionnaya politika pravitel'stva). [The struggle for land in the Kyrgyz steppe (the Kyrgyz land issue and the government's colonization policy)]. SPb., 79 p. [in Russian]

Shkap'skiy, 1906 – *Shkap'skiy, O.A.* (1906). Pereselentsy-samovol'tsy i agrarnyy vopros v Semirechenskoy oblasti. [The Self-Settlers and the Agrarian Question in the Semirechenskaya Oblast]. SPb., 197 p. [in Russian]

Soroka, 2010 – *Soroka, N.N.* (2010). O roli krest'yanskikh migratsii v stanovlenii senokosheniya v kazakhskikh khozyaistvakh stepnykh oblastei vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov (po materialam ekspeditsionnykh issledovaniy 1896–1910 godov [On the role of peasant migrations in the development of haymaking in Kazakh farms in the steppe regions in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from expeditionary research in 1896–1910)]. *Kazakhi Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. T. 1. Omsk, pp.274-279. [in Russian]

Suleymenov, 1963 – *Suleymenov B.* (1963). Agrarnyy vopros v Kazakhstane v posledney treti XIX – nachale XX veka. [Agrarian question in Kazakhstan in the last third of the XIX – beginning of the XX centuries]. Alma-Ata, 410 p. [in Russian].

Syzdykova, 2005 – *Syzdykova, E.S.* (2005). Rossiiskie voennye i Kazakhstan [Russian military and Kazakhstan]. M., 246 p. [in Russian]

Tasilova, 2022 – *Tasilova, N.* (2022). «Materialy po kirgizskomu (kazakhskomu) zemlepol'zovaniyu...» – kak istochnik po istorii Kazakhstana (konets XIX v. – nachalo XX v.). [«Materials on Kyrgyz (Kazakh) land use...» – as a source on the history of Kazakhstan (late 19th century – early 20th century)]. Almaty, 317 p. [in Russian]

Tolybekov, 1971 – *Tolybekov, S.E.* (1971). Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII-nachale XX veka: politiko-ekonomicheskii analiz [Nomadic society of the Kazakhs in the 17th - early 20th centuries: political and economic analysis]. Alma-Ata, 633 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Vasil'ev, 2022 – *Vasil'ev, D.V.* (2022). Postup' imperii: politika Rossii v Tsentral'noi Azii: XIX – nachalo XX v. [The March of Empire: Russian Policy in Central Asia: 19th – early 20th centuries]. M.-SPb., 636 p. [in Russian]

Yuferev, 1906 – *Yuferev, V.I.* (1906). Materialy po obsledovaniyu pereselencheskogo khozyaistva v Stepnom krae: Opyt issledovaniya byudzhetrov pereselentsev [Materials on the survey of the resettlement economy in the Steppe region: Experience of studying the budgets of resettlers]. SPb., 111 p. [in Russian]

Имперская аграрная политика и локальные практики землепользования на территории Северного Казахстана в конце XIX – начале XX в. (на примере Петропавловского уезда)

Назгуль Байгабатова ^{a, *}, Гульбану Ишкалова ^a, Дания Нурмуханкызы ^a

^a Жетысуский государственный университет им. И. Жансугурова, Талдыкорган, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу системы землепользования на территории Северного Казахстана в конце XIX – начале XX в. на примере Петропавловского уезда. Исследование направлено на выявление характера взаимодействия между российской аграрной политикой, осуществлявшейся в рамках колониального освоения степных территорий, и локальными практиками казахского землепользования, отражавшими стремление местных сообществ адаптироваться к изменяющимся экономическим и правовым условиям.

В условиях усиливающегося давления на земельные ресурсы наблюдался постепенный отход от традиционных форм хозяйствования и формирование новых моделей использования земли. Особое

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bnk1606@mail.ru (Н. Байгабатова), banu_tk_78@mail.ru (Г. Ишкалова), daniyafmo@gmail.com (Д. Нурмуханкызы)

внимание уделяется процессам развития сенокосения и расширения арендных отношений, ранее мало характерных для региона и слабо представленных в историографии, несмотря на их значительную роль в изменении земельных практик.

Эти процессы сопровождались существенными изменениями в структуре хозяйственной деятельности и способах регулирования доступа к земле. Новые формы землепользования складывались на пересечении административных инициатив со стороны государства и адаптивных стратегий, вырабатываемых местными сообществами. Таким образом, трансформация аграрного уклада в регионе приобретала сложный и многослойный характер, сочетая элементы внешнего давления и внутренней динамики.

Ключевые слова: Российская империя, аграрная политика, переселенческая политика, Северный Казахстан, землепользование.